

Эти записки — часть самого секретного архива Красного Аббатства. В них содержится рассказ о «Наондели» и долгом путешествии первых сестер к острову Менос. Нашем путешествии. Все это записано нами собственноручно. Часть мы записали до того, как добрались до Меноса, часть — после основания Аббатства. Многие из того, о чем мы здесь повествуем, не предназначено для распространения за стенами Аббатства. Слишком опасны знания, содержащиеся в нашем рассказе. Однако мы хотим, чтобы хроники избежали забвения. Аббатство не должно забывать, через что нам пришлось пройти, чтобы создать островок свободы для наших последовательниц, место, где женщины смогут работать и учиться вместе. И пусть память о нас живет, пока стоят эти здания.

Кабира, первая Мать, Кларас, руководившая бегством, жрица Гараи, Эстеги — служанка и вторая Мать, Орсеола, ткущая сны, отважная Сулани, Дазра — первая Роза, и Иона, которую мы потеряли.

КАБИРА

Немногих мне выпало любить за свою долгую-долгую жизнь. Двоих я предала. Одного убила. Один отверг меня. А другой держал в руках мою смерть. В моем прошлом нет ничего красивого. Ничего хорошего. Однако я заставляю себя оглянуться назад, вспомнить Охаддин, вспомнить дворец и все, что там происходило.

Никакого дворца в Охаддине не было. По крайней мере поначалу. Только дом моего отца.

Семья наша была состоятельная. У нас было старинное родовое хозяйство, мы владели рощами пряностей, несколькими садами и бескрайними полями с окарой, пшеницей и маком. Сам дом красиво располагался у подножия холма, отбрасывавшего тень в самые жаркие летние дни и защищавшего от суровых штормов зимой. Толстые стены дома были сложены когда-то из камней и глины, а с террасы на крыше открывался великолепный вид на наши угодья и владения соседей: отсюда виднелись несколько дворов, рощи пряностей и река Сакануи, петлявшая по пути

к морю. На востоке тянулись ввысь дымки Ареко, столицы страны Каренокои. Город правителя. В ясные дни на юго-западе можно было разглядеть море — словно серебристый мираж у самого горизонта.

В тот год, когда мне исполнилось девятнадцать, я познакомилась на ярмарке пряностей с Исканом. Нам, девушкам из богатой семьи, таким как я и мои сестры Агин и Лехан, не положено было продавать на рынке урожай корицы, бао и этсе. Этим занимались управляющий нашего хозяйства и десяток работников под присмотром отца и моего брата Тихе. Помню процессию из повозок, доверху груженных мешками с корицей, связками бао и блестящими красными кучками семян этсе — как она выезжала со двора в тот момент, когда над Ареко вставало солнце. Отец и Тихе ехали впереди на породистых лошадях, а у каждой телеги с двух сторон от лошади шли по двое работников — и чтобы показать власть отца, и чтобы отпугнуть воров. Мать, мои сестры и я ехали в последней повозке, под зеленым шелковым балдахином, призванным защитить нас от зноя. Вышитая золотом ткань пропускала приятный приглушенный свет, мы катили вперед по неровной дороге, беседуя между собой. Лехан впервые поехала с нами на ярмарку пряностей, ее мучило любопытство, она все время задавала вопросы.

Когда мы проехали полпути до города, мать достала сваренные на пару ушки из мягкого теста с начинкой из свинины со сладковатыми приправами, свежие финики и охлажденную воду с добавленными в нее дольками апельсина. Когда повозка проезжала рытвину на дороге, Лехан закапала свиным жиром свою новую желтую шелковую куртку, и Агин рассердилась на сестру. Это Агин вышила цветы апель-

сина вокруг рукавов и ворота. Но мать, глядевшая на поля окары, охваченные цветением, не вмешивалась в ссору дочерей. Вместо этого она обратилась ко мне:

— Я повстречала твоего отца, когда цвела окара. При нашей второй встрече он подарил мне пучок белых цветов, и я подумала, что он бедный юноша. Другие юноши дарили девушкам, за которыми ухаживали, орхидеи, дорогие ткани или украшения из серебра и золотого камня. А он сказал мне, что я похожа на шелковистый лепесток цветка окары. Разве дозвоительно мужчине говорить такое юной девушке?

Мать засмеялась. Я откусила сочный финик и улыбнулась. Историю о том, как она познакомилась с отцом, мать рассказывала множество раз. Мы обожали слушать этот рассказ. Они встретились у ручья, куда мать ходила за водой, когда отец проезжал мимо, возвращаясь из Ареко, куда ездил за инструментами для своего двора. Он был единственным сыном и наследником своего отца, но он и мать сообщили друг другу свои имена только при третьей встрече.

— Я уже потеряла свое сердце, — продолжала мать и вздохнула. — Уже привыкала к мысли, что свяжу свою жизнь с человеком, не имеющим состояния, и готова была стать женой поэта. Но в результате мне достались...

И тут все мы, три сестры, сказали хором:

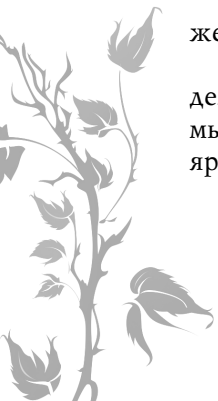
— ...и поэзия, и деньги!

Мать ударила по коленям крышкой сундучка с провизией.

— Ах вы нахальные дикие гусыни!

Но при этом она улыбалась, по-прежнему погруженная в свои мечты.

Вероятно, эти разговоры настроили меня на определенный лад, потому что я заметила Искана, едва мы приехали в сад правителя. Каждый раз во время ярмарки пряностей правитель открывал ворота свое-

го несравненного сада для жен и дочерей из знатных семей. Мужчины, сыновья и работники выполняли тяжелую работу, продавая свои партии пряностей с аукциона возле порта. Купцы из дальних и ближних стран приплывали на своих кораблях и платили правителю немалую дань, чтобы купить часть знаменитого урожая пряностей Каренокои. В далеких странах за наши пряности давали головокружительную цену — чем дальше увозили их купцы, тем больше стоили пряности. То была основа процветания страны и правителя.

Когда мы подошли к Воротам шепотков — тому, что ведет в сад правителя, — нам пришлось подождать, пока другие выберутся из своих повозок. Лехан с любопытством высунулась наружу, разглядывая других женщин, но Агин тут же втянула ее обратно.

— Девочкам из приличной семьи так вести себя не полагается!

Лехан откинулась назад в повозке, скрестив руки на груди и нахмутив брови, отчего мать тут же заявила:

— Если будешь дуться, это испортит твою красоту.

Так она говорила с того момента, как родилась Лехан — самая красивая из нас. Кожа у нее походила на лепестки розы, даже когда она весь день проводила на солнце без широкополой соломенной шляпы, даже когда долго плакала из-за чего-то, в чем ей отказали мать и отец. Волосы у нее были густые и черные, как сажа, и красиво обрамляли лицо в форме сердечка с большими карими глазами, и мои редкие волосы не шли ни в какое сравнение с ее.

У Агин было самое суровое лицо из нас троих, а также большие руки и ноги. Иногда отец шутил, что она — его второй сын. Знаю, он не хотел сказать этим ничего плохого, но его слова больно ранили Агин. Из нас троих она была самая добрая. Заботилась и обо мне, хотя я старше, и о Лехан, и о Тихе. Она приносила жерт-

ву духам предков, хотя это надлежало делать мне как старшей дочери в семье. Я все время забывала об этом, и тогда Агин совершала скучный поход на холмы и жгла там табак и фимиам, чтобы ублажить духов предков. Единственная обязанность, которую я выполняла как положено, — забота об источнике. Я поддерживала его в чистоте, подметала вокруг него, вылавливала сачком листья и дохлых насекомых. Но лишь потому, что мои брат и сестры не знали тайны источника.

Со своего места в повозке я многое могла разглядеть, хотя и не высовывалась наружу, как Лехан. Женщины и девочки, одетые в дорогие шелковые куртки цвета драгоценных камней спускались с повозок, гордо подняв головы, отягощенные украшениями из серебристых цепочек и монет. Несколько красивых молодых мужчин из княжеского двора с ухоженными бородками и в голубых рубашках поверх просторных белых брюк помогали дамам, в то время как девочки — вероятно, дочери наложниц правителя — в качестве приветствия надевали им на шею венки из цветов.

Один из молодых мужчин был на голову выше других. Судя по серебристым стежкам на его воротнике, он занимал высокое положение при дворе — приближенный самого правителя. Волосы он носил очень коротко остриженными, а глаза у него были необычно темные. Когда наша повозка подкатила к воротам, именно этот молодой человек подскочил, протянул руку матери и помог ей сойти на землю. Мать с достоинством склонила голову, принимая от девочек цветочный венок, а юноша поклонился и снова повернулся к повозке. Ко мне. Я протянула руку, и он взял мою ладонь. Рука у него была сухая, теплая и очень мягкая. Он улыбнулся мне, и я заметила, что у него большой рот и полные румяные губы.

— Добро пожаловать, Кабира ак Малик-чо.

Похоже, он неплохо осведомлен. Впрочем, нетрудно вычислить, что после матери из повозки сойдет старшая дочь в семье. А девять серебристых цепочек в волосах матери явно показывали, что мы из благородного рода чо. Я осторожно сошла с повозки, не ответив на его улыбку, — это было бы неуместно. Он продолжал держать мою руку в своей.

— Мое имя Искан ак Хонта-че, к вашим услугам. У пруда стоят столы с угощением. Должно быть, после долгой поездки вы испытываете жажду.

Я поклонилась, и он выпустил мою руку. Помог выйти Агин, не заговорив с ней, но когда из повозки выходила Лехан, я увидела, как его взгляд задержался на ее щеках, ее волосах, ее глазах.

— Пойдем, Лехан, — я потянула ее за руку. — К пруду, туда.

Не желая показаться невежливой, я еще раз поклонилась Искану.

— Че.

Он по-прежнему улыбался, словно бы видел меня насквозь.

Я потянула за собой Агин и Лехан. Лехан буквально ела глазами все, что видела. Красиво одетых женщин. Дорожки в саду, усыпанные колотыми ракушками. Огромные цветочные клумбы с чудесно пахнущими цветами, между которыми парили бабочки размером с ладонь. Везде журчали источники с кристально чистой водой, а над нами простирали свои тенистые ветви гигантские зонтичные деревья. Мать провела нас сквозь сад, с достоинством кивая другим матронам харика, которые вели по дорожкам своих дочерей, и я подумала, что мы все тоже похожи на бабочек в наших красочных шелковых куртках.

Потом парк отступил назад, и перед нами вырос дворец с большим жемчужным прудом перед ним. Лехан остановилась, широко распахнув глаза.

— А я и не думала, что он такой огромный, — с восторгом прошептала она.

Дворец правителя — самое большое здание в Каренокои. Невозможно представить себе ничего великолепнее. Он состоял из двух этажей и занимал всю северную часть сада. Отделанный красным мрамором из глубинных районов Каренокои, дворец имел неповторимый цвет — ни одно другое здание в стране не могло сравниться с ним. Крыша была покрыта черной черепицей, а широкое крыльцо, ведущее из сада, было украшено аркой с великолепной золотой филигранью. Во дворце жили сам правитель, его жены, его наложницы, вся его сотня детей и двор, который тоже насчитывал около ста человек. Из города дворец был не виден, поэтому мало кто знал, как он выглядит на самом деле.

Дворец стоит и сегодня, как я слышала. Само собой, им больше не пользуются.

Вокруг пруда стояло несколько длинных столов, покрытых дамастом с золотым узором, а на них высились блюда с охлажденными фруктами, кувшины с ледяным зеленым чаем, засахаренные цветы и блестящие от меда пироги. Лехан не сводила глаз с дворца и прекрасного парка, так что ей кусок в рот не лез, а мы с Агин подкрепились. Мать повстречала нескольких подруг и сидела, беседуя с ними, на скамье под жакарандой, а маленькие девочки подносили им бокалы с прохладительными напитками. Внезапно я заметила, как бело-синяя фигура приближается к Лехан, которая все еще стояла и любовалась дворцом. Он указал ей на что-то, и она радостно засмеялась. Мать нахмурила брови, и мы с Агин дружно вздохнули.

— Я возьму это на себя, — проговорила я и поспешила к Лехан.

— Смотри, Кабира, это этаж жены правителя! — воскликнула Лехан, когда я подошла к ней. — Искан

живет во дворце и почти каждый день видит правителя!

Искан улыбнулся ее радостному возбуждению. Интересно, этот человек всегда улыбается?

— Могу я показать вам дворец? К сожалению, на второй этаж никому нет доступа, кроме правителя и его семьи, но и на первом есть немало красивых комнат.

— Кабира, дорогая, давай пойдем? — От восторга Лехан буквально прыгала на месте.

Я положила руку ей на плечо, напомнив тем самым, как должна вести себя настоящая харика. Она успокоилась и опустила глаза в землю.

— Очень мило с вашей стороны, че. Но две незамужние девушки...

Я не закончила фразу. Не мне напоминать ему о правилах приличия.

Округлив свои большие карие глаза, он с испугом взглянул на меня.

— О, мне бы и в голову не пришло повести вас туда одному! Разумеется, с нами пойдет моя кормилица.

Лехан бросила на меня взгляд из-под густых ресниц. Поджав губы, я посмотрела на Искана. В его глазах промелькнула искорка. Он смеется надо мной!

— Ну хорошо. Пойдем, Лехан.

Я двинулась в сторону лестницы, ведущей к золотому крыльцу. Лехан, издав полный восторга писк, устремилась за мной. Некоторое время мы ждали в тени красного шелкового балдахина, натянутого над дверью, и вскоре появился Искан в сопровождении старой женщины в белом, опирающейся на его руку. Она мрачно кивнула нам, но Искан не представил ее. Вместо этого он открыл одну половину двойной двери и величественным жестом указал нам, что мы можем пройти внутрь.

